

Моим родителям посвящается...

*Самое жаркое место в аду уготовано тем,
кто в пору нравственного испытания предпочи-
тает оставаться в стороне.*

Факты:

Все произведения искусства и литературы, а также исторические события, упоминаемые в этом романе, реальны.

Консорциум — частная организация с отделениями в семи странах. Ее название изменено из соображений безопасности и конфиденциальности.

Инферно — преисподняя, изображенная в эпической поэме Данте Алигьери «Божественная Комедия» в виде сложно организованного загробного мира, населенного бестелесными душами, заключенными между жизнью и смертью.

Пролог

Я — Призрак.

*За мной — мир слез, страданий и мучений,
За мною — скорбь без грани, без конца,
За мной — мир падших душ и привидений¹.*

Я бегу, задыхаясь, по берегу реки Арно... поворачиваю налево на улицу Каstellани и направляюсь на север, держась в тени галереи Уффици.

Но они по-прежнему не отстают.

Они гонятся за мной с дьявольским упорством, и их шаги звучат все ближе.

Они преследовали меня долгие годы.

Своим упорством они загнали меня в подполье... заставили жить в чистилище... мучиться под землей подобно хтоническому зверю.

Я — Призрак.

Здесь, на поверхности, я обращаю взгляд на север, но не могу найти прямого пути к спасению... ибо первые проблески зари закрывают Апеннинские горы.

Я прохожу позади дворца с его зубчатой башней и часами с одной стрелкой... осторожно проскальзываю между первыми уличными торговцами на площади Сан-Фиренце с их хриплыми голосами и дыханием, наполняющим воздух запахом сычуга и жареных маслин. Не доходя до замка Барджелло, я сворачиваю

¹ Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, цитаты из «Божественной Комедии» Данте Алигьери даны в переводе с итальянского Д. Минаева.

на запад к башне Бадия, и, наконец, передо мной дверь из железных прутьев у основания лестницы.

Здесь места страху нет!

Я поворачиваю ручку и вступаю в проход, понимая, что возврата оттуда уже не будет. Я с трудом заставляю себя переставлять налившиеся свинцом ноги по закрученным спиралью узким и стертым от времени мраморным ступеням.

Снизу доносятся голоса. Они зывают ко мне.

Они уже совсем близко и вот-вот меня настигнут.

Они не понимают, что грядет... не понимают, что я для них сделал!

Неблагодарная земля!

По мере того как я поднимаюсь, меня обступают видения... тела распутников, корчащихся под огненными струями, души чревоугодников, тонущие в нечистотах, вероломные злодеи, застывшие в ледяных объятиях Сатаны.

Я поднимаюсь по последним ступенькам и, обесиленный, оказываюсь на верхней площадке, чувствуя, как влажен и прохладен утренний воздух. Я устремляюсь к стене в человеческий рост и смотрю сквозь проемы в ней на раскинувшийся далеко внизу благословенный город, служивший мне убежищем от тех, для кого я стал изгоем.

Голоса приближаются и становятся все громче.

— То, что ты сделал, безумие!

Безумие порождает безумие.

— Ради всего святого! — молят они. — Скажи, где ты его спрятал!

Но именно ради всего святого я этого не сделаю.

Я стою в углу, прижимаясь спиной к холодному камню. Они вглядываются в мои ясные зеленые глаза, и их лица мрачнеют — теперь от уговоров они переходят к угрозам.

— Ты знаешь, что у нас есть разные методы. Мы можем заставить тебя сказать, где это.

Вот поэтому я и забрался на такую высоту.

Не говоря ни слова, я поворачиваюсь, хватаюсь за край стены и залезаю наверх — там выпрямляюсь и стою, пошатываясь, над пропастью. *Веди меня, Виргилий, путей не разбирая... С тобой мне не страшна пучина зол...*

Не веря своим глазам, они бросаются ко мне, хотя тят схватить за ноги, но боятся, что я потеряю равновесие и сорвусь вниз. В отчаянии они снова переходят к уговорам, но я отворачиваюсь. *Я знаю, что должен сделать.*

Подо мной, в головокружительной дали, красные черепичные крыши похожи на языки пламени, освещающего эту чудесную страну, по которой некогда бродили гиганты... Джотто, Донателло, Брунеллески, Микеланджело, Боттичелли.

Я подвигаюсь к самому краю.

— Слезай! — кричат они. — Еще не поздно!

Упрямые невежды! Неужели вы не видите будущего? Неужели не понимаете всей красоты моего творения? Его необходимости?

Я с радостью принесу эту жертву... и тем самым лишу вас последней надежды найти то, что вы ищете.

Вам ни за что не отыскать его вовремя.

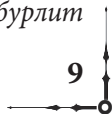
Мощенная булыжником площадь в сотнях футов подо мной манит, словно райский оазис. Как же мне хочется еще пожить... но время нельзя купить даже на все мои несметные богатства.

В эти последние секунды я смотрю на площадь и вдруг вижу пугающий образ.

Я вижу твое лицо.

Ты смотришь на меня из теней. Твои глаза полны скорби, и все же я вижу в них уважение к моим свершениям. Ты понимаешь, что я лишен выбора. Ради любви к человечеству я должен защитить свой шедевр.

Он набирает силу даже сейчас... ждет... бурлит под водами кровавыми лагуны, которые вовек не отражают звезд.

И вот я отрываю от тебя взгляд и устремляю его на горизонт. Высоко над этим истерзанным миром я возношу свою последнюю молитву.

Боже милостивый, молю, чтобы мир считал меня не чудовищным грешником, а чудесным спасителем, которым, Ты знаешь, я являюсь на самом деле. Я молюсь, чтобы человечество поняло, какой дар я ему оставляю.

Мой дар — будущее.

Мой дар — спасение.

Мой дар — Инферно.

Я шепотом произношу «аминь»... и делаю последний шаг — в небытие.

Глава 1

Воспоминания всплывали медленно... как пузыри из глубин бездонного колодца.

Женщина с вуалью.

Роберт Лэнгдон смотрел на нее через реку, чьи воды бурлили кровью. Женщина неподвижно стояла на другом берегу, повернувшись к нему, но ее лицо скрывала вуаль. В руке она держала узкую головную повязку из синей ткани, которую затем подняла, отдавая дань уважения морю мертвецов у своих ног. В воздухе витал запах смерти.

Ищите, прошептала женщина. И обрящете.

Лэнгдон услышал слова, будто они прозвучали у него в голове.

— Кто вы? — крикнул он, но не услышал своего голоса.

Время уже на исходе, прошептала она. Ищите и обрящете.

Лэнгдон шагнул к реке, но увидел, что перейти ее вброд не сможет — кроваво-красные воды были слишком глубокими. Когда он снова поднял взгляд на женщину с вуалью, тел у ее ног стало гораздо больше. Их было уже сотни, а может, и тысячи; некоторые, еще живые, корчились в агонии и, умирая в жутких муках... поглощались огнем, захлебывались в испражнениях, пожирали друг друга. По воде разносились скорбные крики и вопли людских страданий.

Женщина двинулась к нему, протягивая тонкие руки, словно взывая о помощи.

— Кто вы?! — снова закричал Лэнгдон.

В ответ женщина медленно убрала с лица вуаль. Она была поразительно красива, но старше, чем сначала показалось Лэнгдону — наверное, лет шестидесяти с небольшим, — при этом величественная и статная, словно неподвластная течению времени скульптура. Волевой подбородок, глубокий проникновенный взгляд, длинные серебристые волосы спадают на плечи локонами. На шее амулет из лазурита — змея, обвившая посох.

Лэнгдон чувствовал, что знает ее... доверяет ей. *Но как такое возможно? Почему?*

Она показала на дергавшуюся перед ней пару ног, которые, судя по всему, принадлежали какому-то несчастному, закопанному в землю по пояс вниз головой. На бледном бедре мужчины виднелась написанная грязью буква «R».

«R»? — подумал Лэнгдон. *Первая буква моего имени? Это что — я?*

Лицо женщины оставалось бесстрастным. *Ищите и обрящите*, повторила она.

Внезапно она начала испускать сияние, которое становилось все ярче и ярче. Затем ее тело задрожало, начало вибрировать и в конце концов с грохотом взорвалось и разлетелось на тысячи световых осколков.

Лэнгдон закричал и очнулся.

Он лежал в светлой комнате, где кроме него никого не было. В воздухе резко пахло спиртом, и слышался размеренный, в такт его сердцу, писк какого-то прибора. Лэнгдон попытался пошевелить правой рукой, но сразу почувствовал острую боль. Скосив глаза вниз, он увидел, что к руке подсоединена капельница.

Сердце его забилося быстрее, о чем сразу возвестил участившийся писк прибора.

Где я? Что со мной?

В голове пульсировала тупая, ноющая боль. Он осторожно поднял руку и дотро-

нулся до затылка, пытаюсь определить источник боли. Под спутанными волосами нащупал примерно с десяток швов, покрытых запекшейся кровью.

Он закрыл глаза, стараясь вспомнить, что с ним случилось.

Ничего. Полная пустота.

Думай.

Никаких проблесков.

В палату торопливо вошел мужчина в белом халате, видимо, отреагировавший на участившийся сигнал кардиомонитора. У него были косматая борода, густые усы и добрые глаза, участливо смотревшие из-под кустистых бровей.

— Что... случилось? — с трудом выдавил из себя Лэнгдон. — Я попал в аварию?

Приложив палец к губам, бородач вернулся в коридор и кого-то позвал.

Лэнгдон повернул голову, но это движение отозвалось острой болью. Сделав несколько глубоких вдохов и выдохов, он дал боли успокоиться. Затем очень осторожно и методично осмотрел больничную палату.

В ней стояла только одна кровать — его. На тумбочке рядом не оказалось ни цветов, ни визитных карточек. Его одежда, сложенная в прозрачный пластиковый мешок, была перепачкана кровью.

Боже милостивый! Должно быть, дело серьезное.

Лэнгдон осторожно повернул голову в сторону окна у кровати. На улице было темно. Ночь. В стекле Лэнгдону было видно его отражение — мертвенно-бледный незнакомец, опутанный трубками и проводами, в окружении медицинских приборов.

Голоса в коридоре стали громче, и Лэнгдон перевел взгляд на дверь в палату. Врач вернулся, но уже в сопровождении женщины на вид лет тридцати с небольшим. Она была одета в голубую медицинскую форму, светлые волосы забраны в конский хвост, раскачивавшийся в такт ее шагам.

— Я доктор Сиенна Брукс, — представилась она Лэнгдону с улыбкой. — В эту смену я работаю вместе с доктором Маркони.

Лэнгдон слабо кивнул.

Высокая и пластичная, доктор Брукс двигалась с легкостью спортсменки. Даже мешковатая униформа не могла скрыть грациозности ее движений. Лэнгдон заметил, каким гладким и чистым было ее лицо без макияжа, — лишь крошечная родинка над верхней губой нарушала его безупречность. Взгляд ее карих глаз был удивительно пронизательным, будто принадлежал человеку, много повидавшему в жизни, что так редко бывает у людей ее возраста.

— Доктор Маркони плохо говорит по-английски, — пояснила она, садясь рядом, — и он попросил меня заполнить вашу регистрационную карту. — Она снова улыбнулась.

— Спасибо, — прохрипел Лэнгдон.

— Хорошо, — начала она деловым тоном, — как вас зовут?

Он ответил не сразу.

— Роберт... Лэнгдон.

Доктор Брукс посветила Лэнгдону в глаза маленьким фонариком.

— Род занятий?

Чтобы ответить на этот вопрос, ему потребовалось еще больше времени.

— Я профессор. Читаю курс по истории искусств... и науке о символах. В Гарвардском университете.

Доктор Брукс удивленно опустила фонарик. Врач с кустистыми бровями выглядел не менее изумленным.

— Вы... американец?

Лэнгдон непонимающе на нее посмотрел.

— Просто... — Она запнулась. — Когда вы поступили к нам вечером, при вас не было никаких документов. На вас был пиджак из харрисов-

ского твида и английские туфли, поэтому мы решили, что вы англичанин.

— Я американец, — заверил ее Лэнгдон, не чувствуя в себе сил объяснить, почему отдает предпочтение дорогой и элегантной одежде.

— У вас что-нибудь болит?

— Голова, — ответил Лэнгдон.

От яркого луча света пульсирующая в затылке боль усилилась. К счастью, доктор Брукс убрала фонарик в карман и взяла Лэнгдона за руку, чтобы проверить пульс.

— Вы очнулись от крика, — сказала она. — Вы помните, что вас так напугало?

Перед глазами Лэнгдона снова возникла женщина со скрытым вуалью лицом в окружении корчащихся тел. *Ищите и обрящете.*

— У меня был кошмар.

— Какой именно?

Лэнгдон рассказал.

Доктор Брукс записала что-то на листе бумаги, прикрепленном к планшету с зажимом. На ее лице ничего не отразилось.

— А что, по-вашему, могло вызвать столь пугающее видение?

Лэнгдон попытался порыться в памяти, но лишь удрученно покачал головой, которая тут же отреагировала ноющей болью.

— Хорошо, мистер Лэнгдон, — сказала доктор Брукс, продолжая делать заметки, — еще пара стандартных вопросов. Какой сегодня день недели?

Лэнгдон на мгновение задумался.

— Суббота. Я помню, как шел по университетскому городку... направлялся читать вечерние лекции... а потом... это, в общем-то, последнее, что я помню. Я что — упал?

— Мы дойдем до этого. Вы знаете, где сейчас находитесь?

— В Массачусетской больнице? — предположил Лэнгдон.